

*Национальный
исследовательский Саратовский
государственный университет
имени Н. Г. Чернышевского
Зональная научная библиотека
имени В. А. Артисевич
Научно-методический отдел*

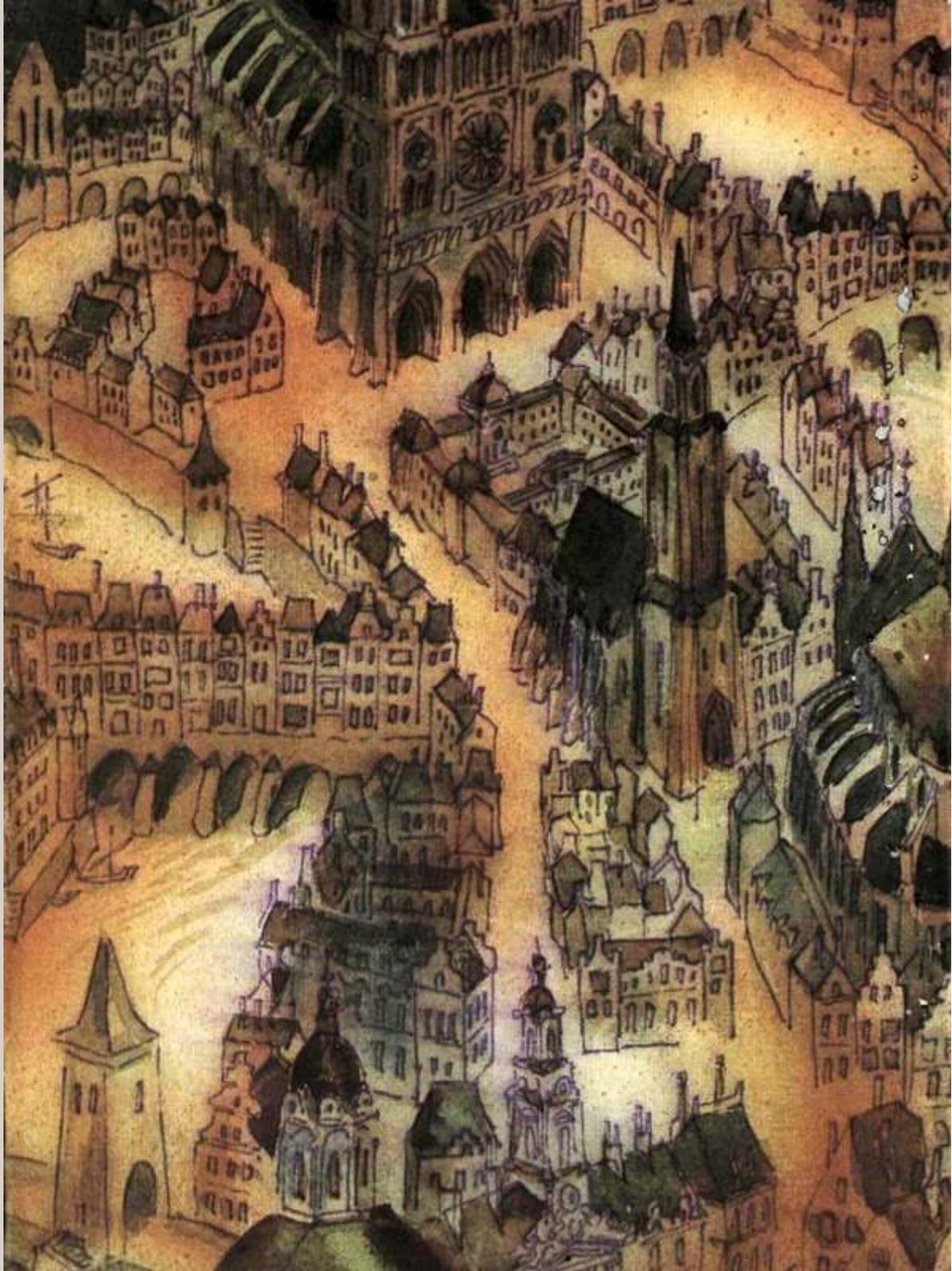
представляют

*виртуальную выставку
к Году культуры в России*

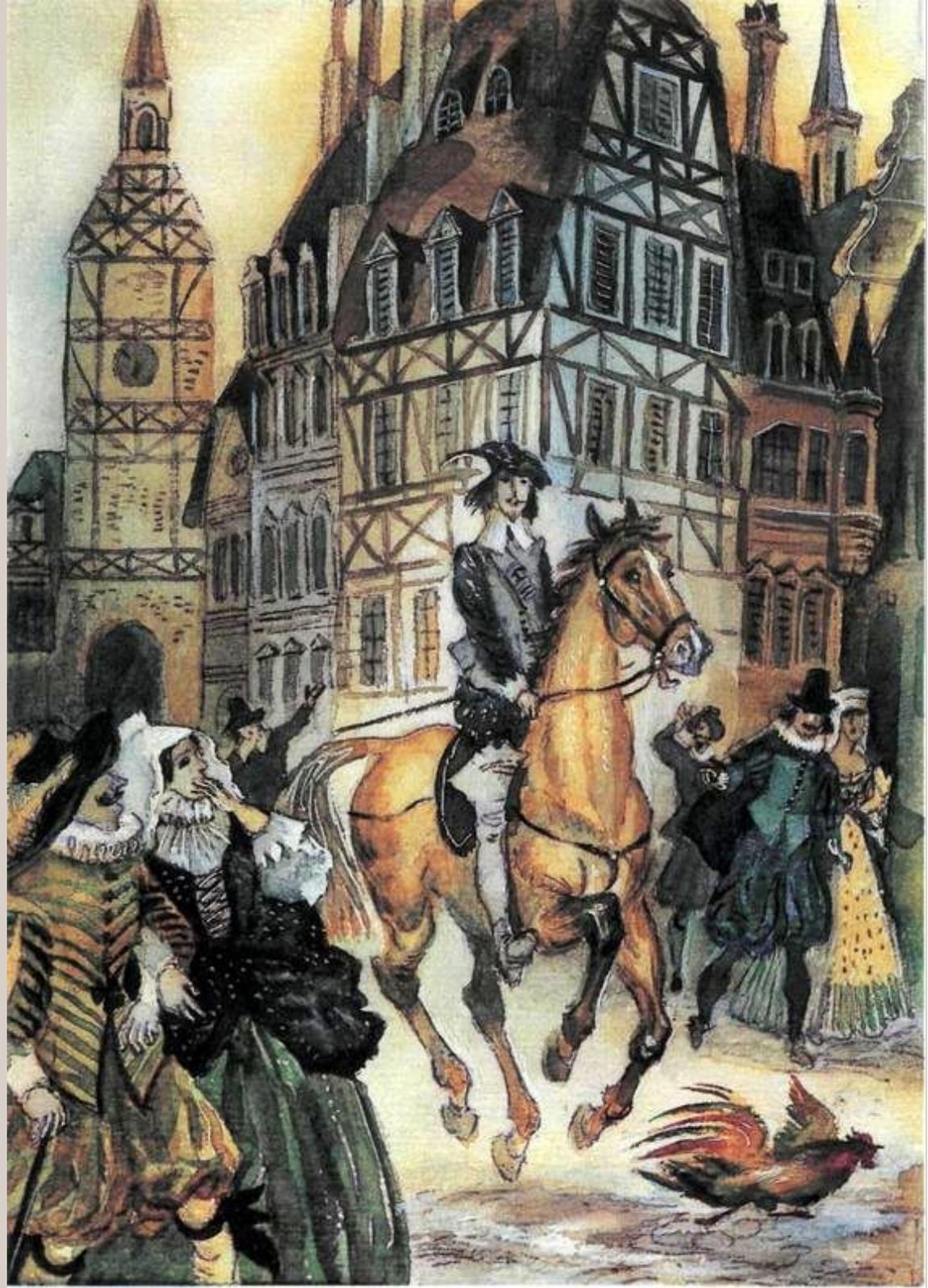
2014

Источник:

Александр Дюма. «Три мушкетёра» [Изоматериал] : комплект открыток / худ. Л. Н. Непомнящий ; авт. вступ. ст. С. И. Бэлза. Москва : Изобразительное ис-во, 1987. 32 л.

Молодой человек... Постараемся набросать его портрет: представьте себе Дон-Кихота в восемнадцать лет, Дон-Кихота без доспехов, без лат и набедренников, в шерстяной куртке, синий цвет которой приобрёл оттенок, средний между рыжим и небесно-голубым. Продолговатое смуглое лицо; выдающиеся скулы — признак хитрости; челюстные мышцы чрезмерно развитые — неотъемлемый признак, по которому можно сразу определить гасконца, даже если на нём нет берета, - а молодой человек был в берете, украшенном подобием пера; взгляд открытый и умный; нос крючковатый, но тонко очерченный; рост слишком высокий для юноши и недостаточный для зрелого мужчины. Неопытный человек мог бы принять его за пустившегося в путь фермерского сына, если бы не длинная шпага на кожаной португее, бившаяся о ноги своего владельца, когда он шёл пешком, и ерошившая гриву коня, когда он ехал верхом.

- Итак, его преосвященство приказывает мне... - говорила дама.

- ...немедленно вернуться в Англию и оттуда сразу же прислать сообщение, если герцог покинет Лондон.

- А остальные распоряжения?

- Вы найдёте их в этом ларце, который вскрыете только по ту сторону Ла-Манша.

- Прекрасно. Ну, а вы что намерены делать?

- Я возвращаюсь в Париж.

- Не проучив этого дерзкого мальчишку? Незнакомец собирался ответить, но не успел и рта раскрыть, как Д'Артаньян, слышавший весь разговор, появился на пороге.

- Этот дерзкий мальчишка сам проучит кого угодно! - воскликнул он. - И надеюсь, что тот, кого он собирается проучить, на этот раз не скроется от него.

- Не скроется? - переспросил незнакомец, сдвинув брови.

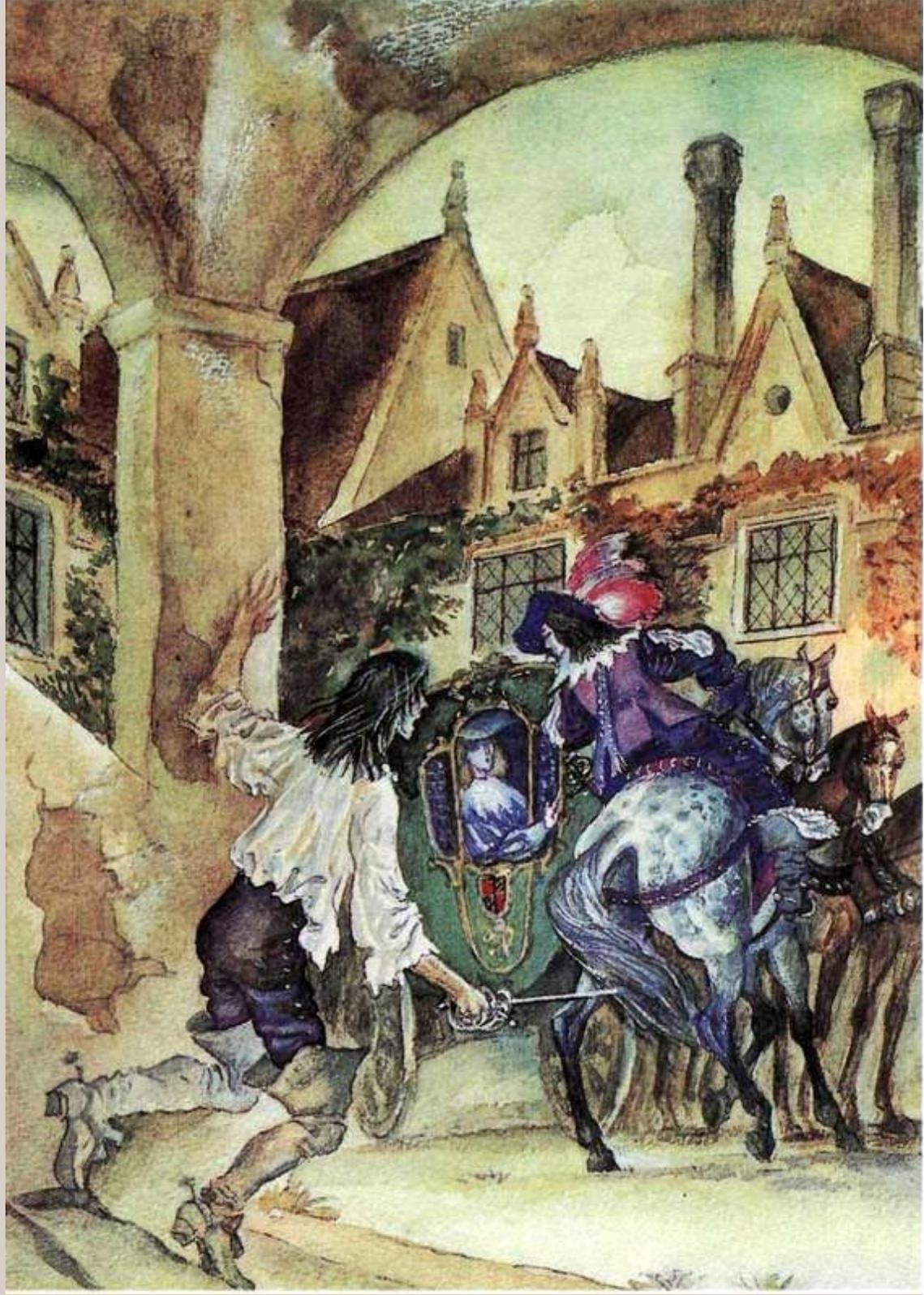
- На глазах у дамы, я полагаю, вы не решитесь сбежать?

- Помните... - вскрикнула миледи, видя, что незнакомец хватается за эфес своей шпаги, - вспомните, что малейшее промедление может всё погубить!

- Вы правы, - поспешно произнёс незнакомец.

- Поезжайте своим путём. Я поеду своим.

И, поклонившись даме, он вскочил в седло, а кучер кареты обрушил град ударов кнута на спины своих лошадей.

Атос бился с неким Каюзаком, любимцем кардинала, на долю Портоса выпал Бикара, тогда как Арамис очутился лицом к лицу с двумя противниками.

Что же касается д'Артаньяна, то его противником оказался сам де Жюссак. Сердце молодого гасконца билось столь сильно, что готово было разорвать ему грудь. Видит бог, не от страха — он и тени страха не испытывал, — а от возбуждения. Он дрался, как разъярённый тигр, носясь вокруг своего противника, двадцать раз меняя тактику и местоположение. Жюссак был, по тогдашнему выражению, «мастер клинка», и притом многоопытный. Тем не менее он с величайшим трудом оборонялся против гибкого и ловкого противника, который, ежеминутно пренебрегая общепринятыми правилами, нападавал одновременно со всех сторон, в то же время парируя удары, как человек, тщательно оберегающий свою кожу. Эта борьба в конце концов вывела де Жюссака из терпения. Разъярённый тем, что ему не удаётся справиться с противником, которого он счёл юнцом, он разгорячился и начал делать ошибку за ошибкой. Д'Артаньян, не имевший большого опыта, но зато помнивший теорию, удвоил быстроту движений. Жюссак, решив покончить с ним, сделал резкий выпад, стремясь нанести противнику страшный удар. Но д'Артаньян ловко отпарировал, и, в то время как Жюссак выпрямлялся, гасконец, словно змея, ускользнул из-под его руки и насквозь пронзил его своей шпагой.

Не успел молоток удариться в дверь, как шум внутри замер. Послышались шаги, дверь распахнулась, и д'Артаньян, обнажив шпагу, ворвался в квартиру г-на Бонасье, дверь которой, очевидно снабжённая пружиной, сама захлопнулась за ним.

И тогда остальные жильцы этого злополучного дома, а также и ближайшие соседи слышали отчаянные крики, топот, звон шпаг и грохот передвигаемой мебели. Немного погодя все те, кого встревожил шум и кто высунулся в окно, чтобы узнать, в чём дело, могли увидеть, как снова раскрылась дверь и четыре человека, одетые в чёрное, не вышли, а вылетели из неё, словно стая испуганных ворон, оставив на полу и на углах столов перья, выдранные из их крыльев, другими словами — лоскутья одежды и обрывки плащей.

Победа досталась д'Артаньяну, нужно сказать, без особого труда, так как лишь один из сыщиков оказался вооружённым, да и то защищался только для виду. Остальные, правда, пытались оглушить молодого человека, швыряя в него стульями, табуретками и даже горшками. Но несколько царапин, нанесённых шпагой гасконца, нагнали на них страху. Десяти минут было достаточно, чтобы нанести им полное поражение, и д'Артаньян стал господином на поле боя.

- Обопритесь на мою руку, сударыня, - произнёс иностранец, - и пойдёмте дальше. Д'Артаньян, оглушённый, растерянный, продолжал стоять, скрестив руки на груди, перед г-жой Бонасье и её спутником. Мушкетёр шагнул вперёд и рукой отстранил д'Артаньяна. Д'Артаньян, отскочив назад, выхватил шпагу. Иностранец с быстротой молнии выхватил свою.

- Ради всего святого, милорд! - вскрикнула г-жа Бонасье, бросаясь между ними и руками хватаясь за шпаги.

- Милорд! - вскрикнул д'Артаньян, осенённый внезапной мыслью. - Милорд!.. Простите, сударь... Но неужели вы...

- Милорд — герцог Беникгэм, - вполголоса проговорила г-жа Бонасье. - И теперь вы можете погубить всех нас.

- Милорд и вы, сударыня, прошу вас, простите, меня!.. Но ведь я люблю её, милорд, и ревновал. Вы ведь знаете, милорд, что такое любовь. Простите меня и скажите, не могу ли я отдать свою жизнь за вашу милость?

- Вы честный юноша, - произнёс герцог, протягивая д'Артаньяну руку, которую тот почтительно пожал. - Вы предлагаете мне свои услуги — я принимаю их. Проводите нас до Лувра и, если заметите, что кто-нибудь за нами следит, убейте этого человека.

- Уезжайте! Уезжайте! Молю вас! Позже вы вернётесь. Вернитесь сюда в качестве посла, в качестве министра, вернитесь в сопровождении телохранителей, готовых защитить вас, слуг, обязанных охранять вас. Тогда я не буду трепетать за вашу жизнь и буду счастлива увидеть вас.

- Неужели правда то, что вы говорите?

- Да...

- Тогда... тогда в знак вашего прощения дайте мне что-нибудь, какую-нибудь вещицу, принадлежащую вам, которая служила бы доказательством, что всё это не приснилось мне. Какую-нибудь вещицу, которую вы носили и которую я тоже мог бы носить... перстень, цепочку...

- И вы уедете... уедете, если я исполню вашу просьбу?

- Да.

- Немедленно?

- Да.

- Вы покинете Францию? Вернётесь в Англию?

- Да, клянусь вам.

- Подождите тогда, подождите...

Анна Австрийская удалилась к себе и почти тотчас же вернулась, держа в руках ларец розового дерева с золотой инкрустацией, воспроизводившей её монограмму.

- Возьмите это, милорд, - сказала она. -

Возьмите и храните на память обо мне.

Герцог Бекингэм взял ларец и вновь упал к её ногам.

- Вы обещали мне уехать, произнесла королева.

- Королева враг мне, но не вам, ваше величество. Напротив, она преданная супруга, покорная и безупречная. Позвольте же мне вступить за неё перед вашим величеством.

- Так пусть она пойдёт на уступки, пусть сама сделает первый шаг!

- Напротив, ваше величество, подайте вы добрый пример. Ведь виновны были вы, заподозрив королеву.

- Мне сделать первый шаг! - воскликнул король. - Ни за что!

- Ваше величество, умоляю вас!

- Да кроме того, как найти подходящий повод?

- Сделав что-нибудь, что могло бы доставить ей удовольствие.

- Что же именно?

- Дайте бал. Вы знаете, как королева любит танцы. Ручаюсь вам, что её гнев не устоит перед таким проявлением внимания.

- Господин кардинал, ведь вам известно, что я не любитель светских развлечений.

- Раз она знает, какое отвращение вы питаете к таким забавам, она тем более будет вам благодарна. Да к тому же ей представится случай приколоть прекрасные алмазные подвески, которые вы ей недавно поднесли ко дню рождения и с которыми она ещё нигде не успела появиться.

Д'Артаньян снял несколько квадратов паркета, превращавших пол его комнаты в некое подобие Дионисиева уха, разложил на полу ковёр, опустился на колени и знаком предложил г-же Бонасье последовать его примеру и наклониться над отверстием.

- Вы уверены, что никого нет дома? - спросил незнакомец.

- Я отвечаю за это, - ответил Бонасье.

- И вы полагает, что ваша жена...

- Вернулась во дворец.

- Ни с кем предварительно не поговорив?

- Уверен в этом.

- Это очень важно знать точно, понимаете?

- Значит, сведения, которые я вам сообщил, можно считать ценными?

- Очень ценными, не скрою от вас, дорогой мой Бонасье.

- Так что кардинал будет мною доволен?

- Не сомневаюсь.

- Великий кардинал!

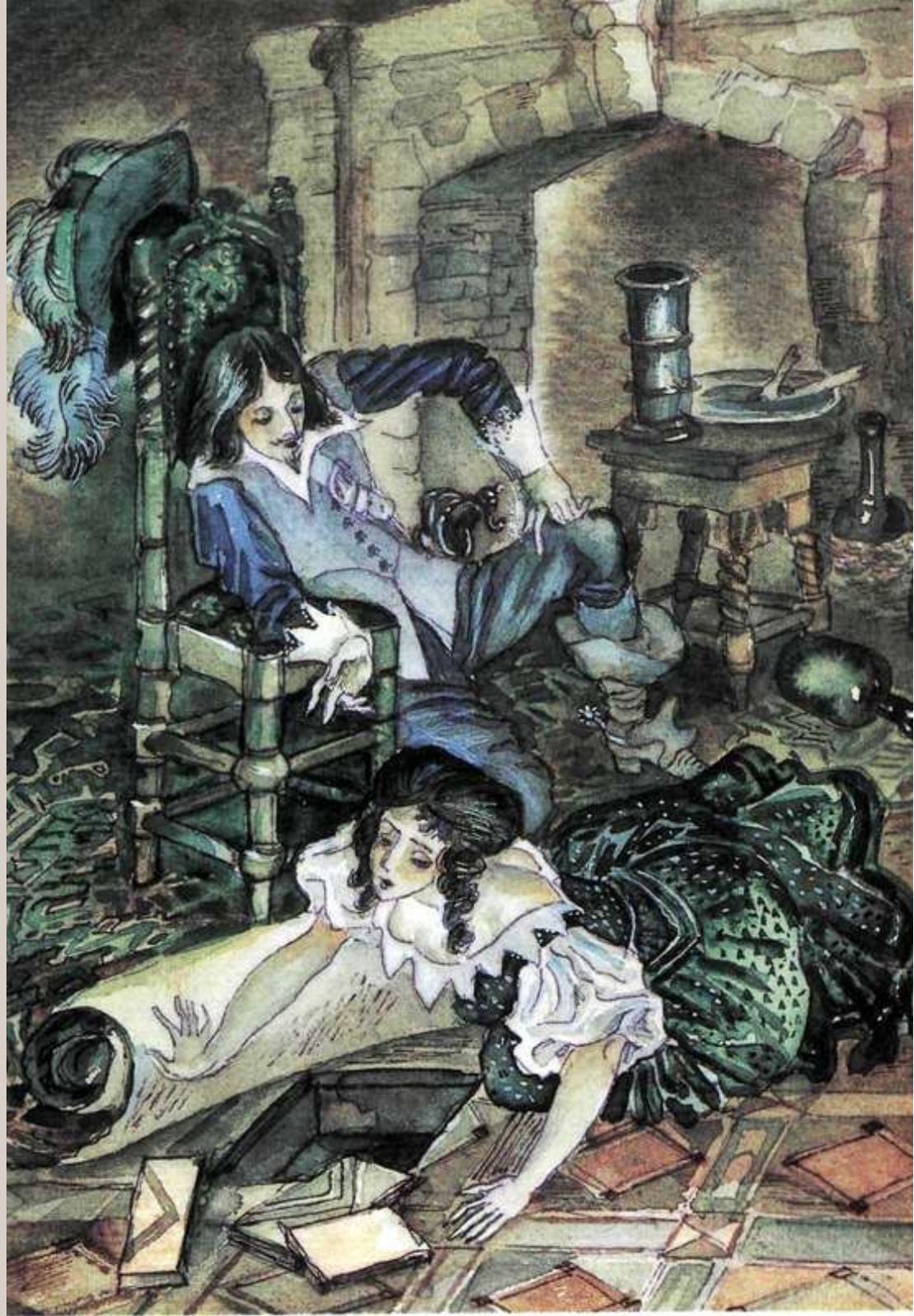
- Вы хорошо помните, что ваша жена в беседе с вами не называла никаких имён?

- Кажется, нет.

- Она не называла госпожи де Шеврез, или герцога Бекингэма, или госпожи де Верне?

- Нет, она сказала только, что собирается послать меня в Лондон, чтобы оказать услугу очень высокопоставленному лицу.

- Предатель! - прошептала г-жа Бонасье.

В одной миле за Бове, в таком месте, где дорога была сжата между двумя откосами, им повстречалось восемь или десять человек, которые, пользуясь тем, что дорога здесь не была вымощена, делали вид, что чинят её. На самом деле они выкапывали ямы и усердно углубляли глинистые колеи.

Арамис, боясь в этом искусственном месиве испачкать ботфорты, резко окликнул их. Атос попытался остановить его, но было уже поздно. Рабочие принялись насмехаться над путниками, и их наглость заставила даже

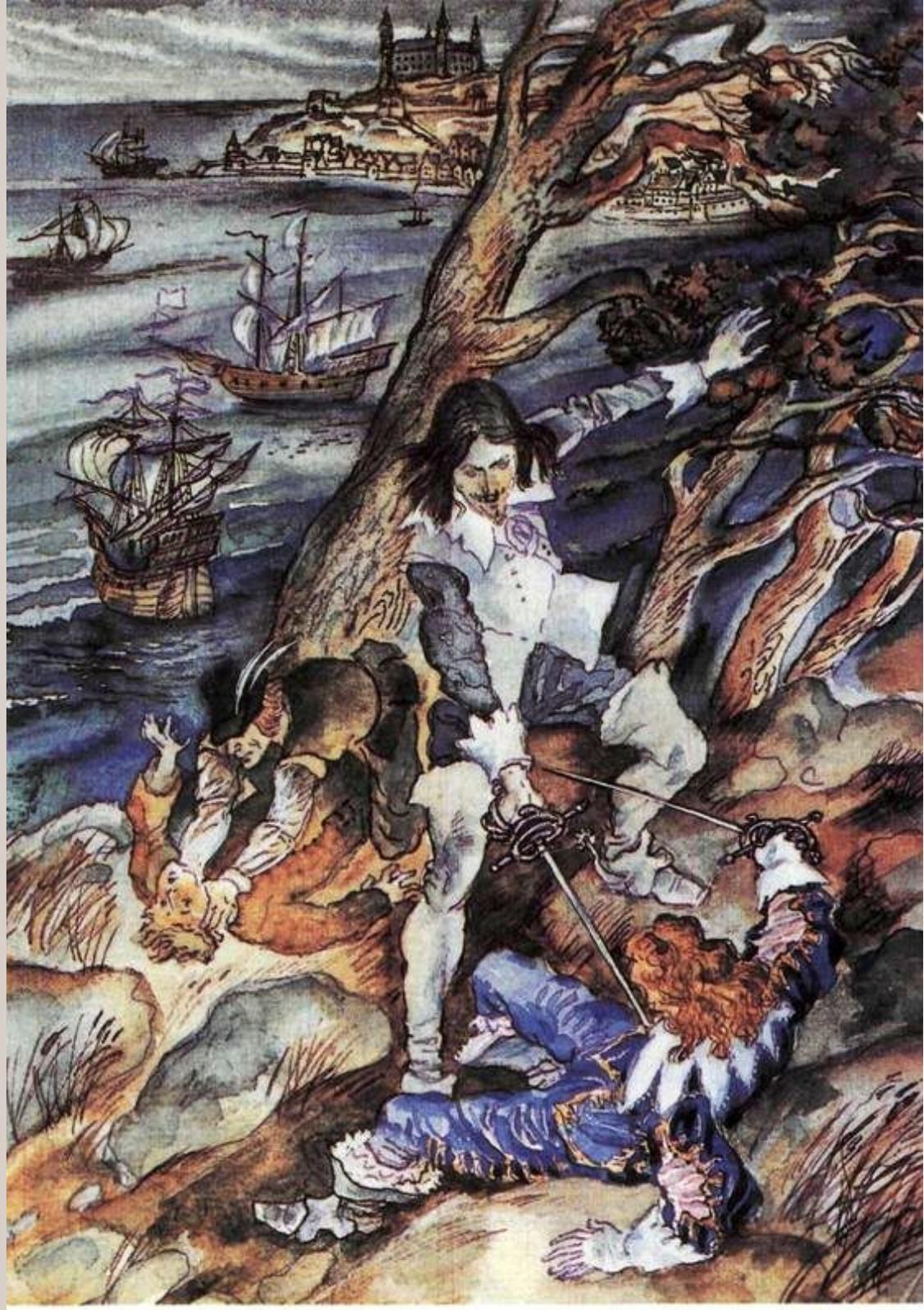
спокойного Атоса потерять голову и двинуть коня прямо на одного из них.

Тогда все эти люди отступили к канаве и вооружились спрятанными там мушкетрами. Наши семеро путешественников были вынуждены буквально проехать сквозь строй. Арамис был ранен пулей в плечо, а у Мушкетона пуля засела в мясистой части тела, ниже поясицы. Но один только Мушкетон соскользнул с коня: не имея возможности разглядеть свою рану, он, видимо, счёл её более тяжёлой, чем она была на самом деле.

- Это засада, - сказал д'Артатьян. - Отстреливаться не будем! Вперёд!

Арамис, хотя и раненный, ухватился за гриву своего коня, который понёсся вслед за остальными.

- Пропустите меня!
- Вы не пройдёте!
- Мой храбрый юноша, я разобью вам голову...
Любен, пистолеты!
- Планше, - сказал д'Артаньян, - разделайся со слугой, а я справлюсь с господином.
Планше, расхрабрившийся после первых своих подвигов, бросился на Любена, и, благодаря своей силе и ловкости опрокинув его на спину, поставил ему колена на грудь.
- Делайте своё дело, сударь, - крикнул Планше, - я своё сделал!
Видя всё это, дворянин выхватил шпагу и ринулся на д'Артаньяна. Но он имел дело с сильным противником.
За три секунды д'Артаньян трижды ранил его, при каждом ударе приговаривая:
- Вот это за Атоса! Вот это за Портоса! Вот это за Арамиса!
При третьем ударе приезжий рухнул, как сноп. Предположив, что он мёртв или, во всяком случае, без сознания, д'Артаньян приблизился к нему, чтобы забрать у него приказ. Но, когда он протянул руку, чтобы обыскать его, раненый, не выпустивший из рук шпаги, ударил его остриём в грудь.
- Вот это лично вам! - проговорил он.
- А этот за меня! Последний, на закуску! - в бешенстве крикнул д'Артаньян, пригвоздив его к земле четвёртым ударом в живот.
На этот раз дворянин закрыл глаза и потерял сознание.

Балет продолжался час; в нём было шестнадцать выходов. Когда он закончился, каждый кавалер под рукоплескания всего зала отвёл свою даму на место, но король, воспользовавшись дарованной ему привилегией, оставил свою даму и торопливо направился к королеве.

- Благодарю вас, сударыня, - сказал он ей, - за то, что вы были так внимательны к моим желаниям, но, кажется, у вас недостаёт двух подвесков, и вот я возвращаю вам их.

- Как, сударь! - вскричала молодая королева, притворяясь удивлённой. - Вы дарите мне ещё два? Но ведь тогда у меня будет четырнадцать!

Король сосчитал: в самом деле, все двенадцать подвесков оказались на плече её величества.

Король подозвал кардинала.

- Ну-с, господин кардинал, что это значит? - спросил он суровым тоном.

- Это значит, сударь, - ответил кардинал, - что я хотел преподнести эти два подвеска её величеству, но не осмелился предложить их ей сам и прибегнул к этому способу.

Трое мужчин бесшумно подкатили карету ближе и высадили из неё какого-то человека, толстого, низенького, с проседью, одетого в поношенное тёмное платье. Он с опаской взобрался на лестницу, осторожно заглянул в комнату, тихонько спустился вниз и шёпотом проговорил:

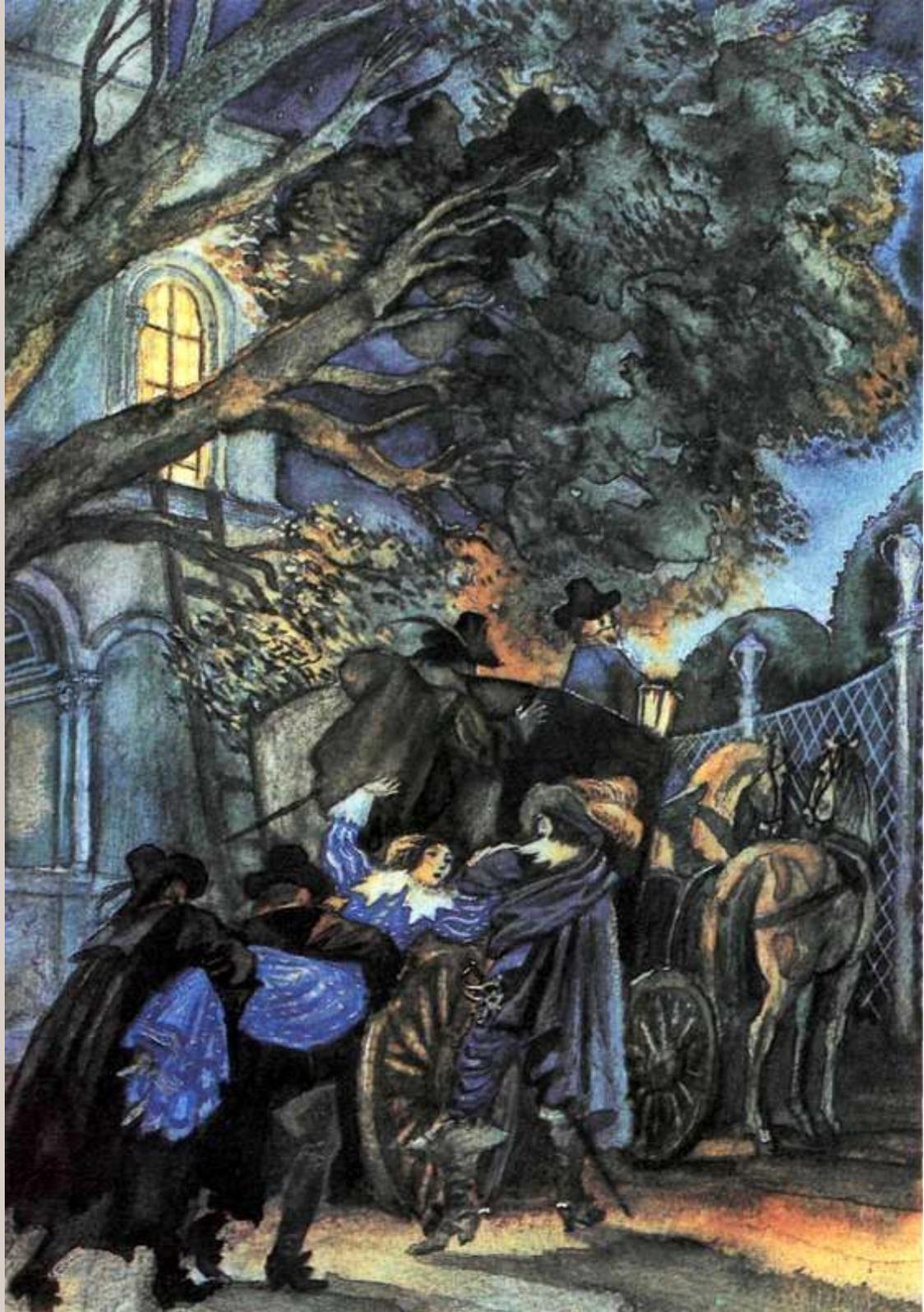
«Это она».

Тот, который разговаривал со мной, сейчас же подошёл к двери павильона, отпер её ключом, который вынул из кармана, закрыл за собой дверь и скрылся; тем временем остальные двое влезли на лестницу. Старичок остался у дверцы кареты, кучер придерживал упряжку, а слуга — верховых лошадей.

Вдруг из павильона послышались громкие крики, какая-то женщина подбежала к окну и открыла его, словно собираясь броситься вниз. Однако, заметив двух мужчин, она отскочила назад, а мужчины прыгнули в комнату.

Больше я ничего не видел, но услышал треск мебели, которую ломали. Женщина кричала и звала на помощь, но вскоре крики её затихли.

Трое мужчин подошли к окну. Двое из них спустились по лестнице, неся женщину на руках, и посадили её в карету; маленький старичок влез в карету вслед за ней. Тот, который остался в павильоне, запер окно и минуту спустя вышел через дверь. Его два спутника уже сидели верхом и ждали его.

Увидев друга, Портос вскрикнул от радости, а Мушкетон, почтительно встав, уступил место д'Артаньяну и пошёл взглянуть на кастрюли, которые, видимо, находились под его особым наблюдением.

- Ах, чёрт возьми, это вы! - сказал Портос д'Артаньяну. - Добро пожаловать! Прошу прощения за то, что я не встаю... Кстати, - добавил он, глядя на д'Артаньяна с лёгким беспокойством, - вам известно, что со мной случилось?

- Нет.

- Хозяин ничего не говорил вам?

- Я спросил у него, где вы, и сейчас же прошёл наверх.

Портос, видимо, вздохнул свободнее.

- А что же это с вами случилось, любезный Портос? - спросил д'Артаньян.

- Да то, что нападая на моего противника, которого я уже успел угостить тремя ударами шпагой, и собираясь покончить с ним четвёртым, я споткнулся о камень и вывихнул себе колено.

- Да что вы?

- Клянусь честью! И к счастью для этого бездельника, не то я прикончил бы его на месте, ручаюсь за это!

- А куда он девался?

- Не знаю, право. Он получил хорошую порцию и уехал, не прося сдачи... Ну, а вы, милый д'Артаньян, что же было с вами?

- Наконец-то, вот оно! - сказал д'Артаньян. И он вынул из кармана письмо. Арамис вскочил, схватил письмо, прочитал или, вернее, проглотил его; его лицо сияло.

- По-видимому, у служанки прекрасный слог, - небрежно произнёс посланец.

- Благодарю, д'Артаньян! - вскричал Арамис в полном исступлении. - Ей пришлось вернуться в Тур. Она не изменила мне, она по-прежнему меня любит! Иди сюда, друг мой, иди сюда, дай мне обнять тебя, я задыхаюсь от счастья! И оба друга пустились плясать вокруг почтенного Иоанна Златоуста, храбро топчя рассыпавшиеся по полу листы диссертации. В эту минуту вошёл Базен, неся шпинат и яичницу.

- Беги, несчастный! - вскричал Арамис, швыряя ему в лицо свою скуфейку. - Ступай туда, откуда пришёл, унеси эти отвратительные овощи и гнусную яичницу! Спроси шпигованного зайца, жирного каплуна, жаркое из баранины с чесноком и четыре бутылки старого бургундского!

Базен, смотревший на своего господина и ничего не понимавший в этой перемене, меланхолически уронил яичницу в шпинат, а шпинат на паркет.

Через секунду дверь подалась, и в отверстии показалось бледное лицо Атоса; беглым взглядом он осмотрел местность.

Д'Артаньян бросился к другу и с нежностью обнял его; затем он повёл его из этого сырого убежища и тут только заметил, что Атос шатается.

- Вы ранены? - спросил он.

- Я? Ничуть не бывало. Я мертвецки пьян, вот и всё. И никогда ещё человек не трудился так усердно, чтобы этого достигнуть... Клянусь богом, хозяин, должно быть, на мою долю досталось не меньше чем полтораста бутылок!

- Помилосердствуйте! - вскричал хозяин. - Если слуга выпил хотя бы половину того, что выпил его господин, я разорён.

- Гримо хорошо вымуштрован и не позволил бы себе пить то же вино, что я. Он пил только из бочки. Кстати, он, кажется, забыл вставить пробку. Слышите, что-то течёт? Д'Артаньян разразился хохотом, от которого хозяина из озноба бросило в жар.

В эту минуту за спиной Атоса появился Гримо с мушкетом на плече; голова его тряслась, как у пьяных сатиров Рубенса. Спереди и сзади он был облит какой-то жирной жидкостью, в которой хозяин признал своё лучшее оливковое масло.

Атос дрался с таким спокойствием и такой методичностью, словно он был в фехтовальном зале.

Портос, которого приключение в Шантильи, видимо, излечило от излишней самоуверенности, разыгрывал свою партию весьма хитро и осторожно.

Арамис, которому надо было закончить третью песнь своей поэмы, торопился, как человек, у которого очень мало времени. Атос первый убил своего противника; он нанёс ему лишь один удар, но, как он и предупреждал, этот

удар оказался смертельным: шпага пронзила сердце.

После него Портос уложил на траву своего врага: он проколол ему бедро. Не пытаясь сопротивляться больше, англичанин отдал ему шпагу, и Портос на руках отнёс его в карету.

Арамис так сильно теснил своего противника, что в конце концов, отступив шагов на пятьдесят, тот побежал со всех ног и скрылся под улюлюканье лакеев.

Что касается д'Артаньяна, то он искусно и просто вёл оборонительную игру; затем, утомив своего противника, он мощным ударом выбил у него из рук шпагу. Видя себя обезоруженным, барон отступил на несколько шагов, но поскользнулся и упал навзничь.

Бледная и страшная, миледи приподнялась и, оттолкнув д'Артаньяна сильным ударом в грудь, соскочила с постели.

Было уже совсем светло.

Желая вымолить прощение, д'Артаньян удержал её за пеньюар из тонкого батиста, но она сделала попытку вырваться из его рук.

При этом сильном и резком движении батист разорвался, обнажив её плечи, и на одном прекрасном, белоснежном, круглом плече д'Артаньян с невыразимым ужасом увидел цветок лилии — неизгладимое клеймо, налагаемое позорящей рукой палача.

- Боже милосердный! - вскричал он, выпуская пеньюар.

И он застыл на постели, безмолвный, неподвижный, похолодевший.

Однако самый ужас д'Артаньяна сказал миледи, что она избличена; несомненно, он видел всё. Теперь молодой человек знал её тайну, страшную тайну, которая никому не была известна.

Она повернулась к нему уже не как разъярённая женщина, а как раненая пантера.

- Негодяй! - сказала она. - Мало того, что ты подло предал меня, ты ещё узнал мою тайну! Ты умрёшь!

Она подбежала к небольшой шкатулке с инкрустациями, стоявшей на её туалете, открыла её лихорадочно дрожавшей рукой, вынула маленький кинжал с золотой рукояткой, с острым и тонким лезвием и бросилась назад к полураздетому д'Артаньяну.

Наконец, после пятнадцатиминутного ожидания, когда сумерки уже почти совсем сгустились, появилась карета, быстро приближавшаяся со стороны Севера. Предчувствие заранее подсказало д'Артаньяну, что именно в этой катере находится особа, назначившая ему свидание, и молодой человек сам удивился, почувствовав, как сильно забилося его сердце. Почти в ту же минуту из окна кареты высунулась женская головка: два пальца, прижатые к губам, как бы требовали молчания или посылали поцелуй.

д'Артаньян издал тихий радостный возглас: эта женщина — или, вернее, это видение, ибо карета промчалась с быстротой молнии, - была г-жа Бонасье. Вопреки полученному предупреждению д'Артаньян невольным движением пустил лошадь в галоп и в несколько секунд догнал карету, но окно было уже плотно завешено. Видение исчезло.

Тут только д'Артаньян вспомнил предостережение: «...если вы дорожите вашей жизнью и жизнью людей, которые вас любят... не делайте ни одного движения и притворитесь, что ничего не видели».

Он остановился, трепеща не за себя, а за бедную женщину: очевидно, назначая ему это свидание, она подвергала себя большой опасности.

Осада Ла-Рошели явилась крупным политическим событием царствования Людовика XIII и крупным военным предприятием кардинала. Поэтому интересно и даже необходимо сказать о ней несколько слов; к тому же некоторые обстоятельства этой осады так тесно переплелись с рассказываемой нами историей, что мы не можем обойти их молчанием.

Политические цели, которые преследовал кардинал, предпринимая эту

осаду, были значительны. Прежде всего мы обрисуем их, а затем перейдём к частным целям, которые, пожалуй, оказали на его преосвященство не менее сильное влияние, чем цели политические.

Из всех больших городов, отданных Генрихом IV гугенотам в качестве укрепленных пунктов, теперь у них оставалась только Ла-Рошель. Следовательно, необходимо было уничтожить этот последний оплот кальвинизма, опасную почву, взращивавшую семена народного возмущения и внешних войн.

Недовольные испанцы, англичане, итальянцы, авантюристы всех национальностей, выслужившиеся военные, принадлежавшие к разным сектам, по первому же призыву сбегались под знамена протестантов, образуя одно обширное объединение, ветви которого легко разрастались, охватывая всю Европу.

Из-за заброшенного земляного вала, находившегося шагах в тридцати от этого места, сейчас же высунулись головы: то были головы двух отставших солдат. Д'Артаньян не ошибся: эти двое последовали за ним только для того, чтобы его убить, надеясь, что смерть молодого человека будет отнесена за счёт неприятеля.

Но так как он мог оказаться лишь раненым и впоследствии заявить об их преступлении, они подошли ближе, чтобы его прикончить; к счастью, обманутые хитростью д'Артаньяна, они не позаботились о том, чтобы перезарядить ружья.

Когда они были шагах в десяти, д'Артаньян, который, падая, постарался не выпустить из рук шпаги, внезапно вскочил на ноги и одним прыжком оказался около них.

Убийцы поняли, что если они побегут в сторону лагеря, не убив д'Артаньяна, то он донесёт на них; поэтому первой их мыслью было перебежать к неприятелю. Один из них схватил ружьё за ствол и, орудуя им, как палицей, нанёс бы д'Артаньяну страшный удар, если бы молодой человек не отскочил в сторону; однако этим движением он освободил бандиту проход, и тот бросился бежать к бастиону. Не зная, с каким намерением этот человек направляется к ним, ларошельцы, охранявшие бастион, открыли огонь, и предатель упал, поражённый пулей, раздробившей ему плечо.

Первое, что увидел д'Артаньян, войдя в столовую, был Бризмон, корчившийся на полу в жестоких судорогах.

Планше и Фурро, смертельно бледные, пытались облегчить его страдания, но было ясно, что помощь бесполезна: лицо умирающего было искажено предсмертной агонией.

- А, это вы! - вскричал Бризмон, увидев д'Артаньяна. - Вы сделали вид, что даруете мне жизнь, а сами отравили меня! О, это ужасно!

- Я? - вскричал д'Артаньян. - Несчастный, что ты говоришь!

- Да-да, вы дали мне это вино! Вы велели мне выпить его — вы решили отомстить мне, и это ужасно!

- Вы ошибаетесь, Бризмон, - сказал д'Артаньян,

- вы ошибаетесь. Уверяю вас... клянусь вам...

- Но есть бог, он покарает вас!.. О господи, пошли ему такие же мучения, какие я чувствую сейчас!

- Клянусь Евангелием, - вскричал д'Артаньян, бросаясь к умирающему, - я не знал, что это вино отравлено, я сам собирался пить его!

- Я не верю вам, - сказал солдат.

И в страшных мучениях он испустил последний вздох.

Оба мушкетёра, любившие удобства, принесли по стулу для себя и стул для Атоса. Все трое уселись, сблизив головы и наострив уши.

- Вы поедете в Лондон, - продолжал кардинал. - В Лондоне вы навестите Бекингэма...

- Замечу вашему высокопреосвященству, - вставила миледи, - что после дела с алмазными подвесками, к которому герцог упорно считает меня причастной, его светлость питает ко мне недоверие.

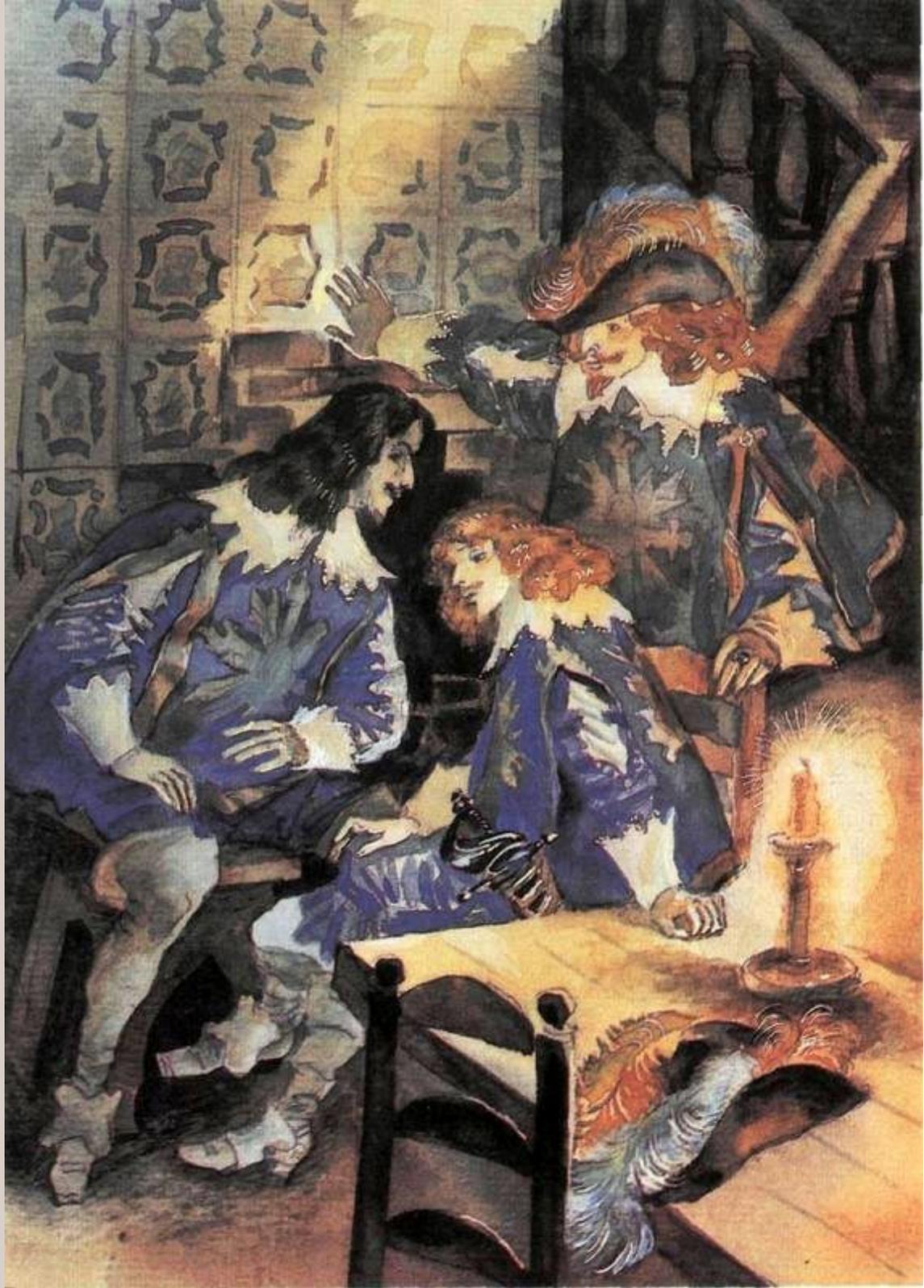
- Но на этот раз, - возразил кардинал, - речь идёт вовсе не о том, чтобы вы снискали его доверие, а о том, чтобы вы открыто и честно явились к нему в качестве посредницы.

- Открыто и честно...- повторила миледи с едва уловимым оттенком двусмысленности.

- Да, открыто и честно, - подтвердил кардинал прежним тоном. - Все эти переговоры должны вестись в открытую.

- Я в точности выполню указания вашего высокопреосвященства и с готовностью ожидаю их.

- Вы явитесь к Бекингэму от моего имени и скажете ему, что мне известны все его приготовления, но что они меня мало тревожат: как только он отважится сделать первый шаг, я погублю королеву.

- Аминь, - заключил Атос. - Мы вернёмся к этому после, если вам будет угодно. А в ту минуту я больше всего был озабочен — и я уверен, что ты меня поймёшь, д'Артаньян, - озабочен тем, чтобы отнять у этой женщины своего рода охранный лист, который она выклянчила у кардинала и с помощью которого собиралась безнаказанно избавиться от тебя, а быть может, и от всех нас.

- Да что она, дьявол, что ли! - возмутился

Портос, протягивая свою тарелку Арамису, разрезавшему жаркое.

- А этот лист... - спросил д'Артаньян, этот лист остался у неё в руках?

- Нет, он перешёл ко мне, но не скажу, чтобы он мне легко достался.

- Дорогой Атос, - с чувством произнёс д'Артаньян, - я уже потерял счёт, сколько раз я обязан вам жизнью!

- Так ты оставил нас, чтобы проникнуть к ней? - спросил Арамис.

- Вот именно.

- И эта выданная кардиналом бумага у тебя? - продолжал допытываться д'Артаньян.

- Вот она, - ответил Атос и вынул из кармана своего плаща драгоценную бумагу.

Восемь вёсел сразу погрузились в воду, их удары слились в один звук, движения их — в один взмах, и шлюпка, казалось, полетела по воде. Через пять минут она пристала к берегу. Офицер выскочил на набережную и предложил миледи руку. Их ожидала карета. - Эта карета подана нам? - спросила миледи. - Да, сударыня, - ответил офицер. - Разве гостиница так далеко? - На другом конце города. - Едемте, - сказала миледи и, не колеблясь, села в карету.

Офицер присмотрел за тем, чтобы все вещи приезжей были тщательно привязаны позади кузова, и, когда это было сделано, сел рядом с миледи и захлопнул дверцу.

Кучер, не дожидаясь приказаний и даже не спрашивая, куда ехать, пустил лошадей галопом, и карета понеслась по улицам города.

Такой странный приём заставил миледи сильно призадуматься. Убедившись, что молодой офицер не проявляет ни малейшего желания вступить в разговор, она откинулась в угол кареты и стала перебирать всевозможные предположения, возникавшие у неё в уме.

- Кстати, - сказал Винтер, останавливаясь на пороге, - постарайтесь, миледи, чтобы эта неудача не лишила вас аппетита: отведайте цыплёнка и рыбы. Клянусь честью, я их не приказывал отравить! Я доволен своим поваром, и, так как он не ожидает после меня наследства, я питаю к нему полное и безграничное доверие. Берите с меня пример. Прощайте, любезная сестра! До следующего вашего обморока! Это был предел того, что могла перенести миледи; она судорожно вцепилась руками в кресло, заскрипела зубами и проследила взглядом за движением двери, затворявшейся за лордом Винтером и Фельтоном. Когда она осталась одна, на неё вновь нашло отчаяние. Она взглянула на стол, увидела блестящий нож, ринулась к нему и схватила его, но её постигло жестокое разочарование: лезвие ножа было из гнущегося серебра и с закруглённым концом. За неплотно закрытой дверью раздался взрыв смеха, и дверь снова растворилась.

- Ха-ха! - воскликнул лорд Винтер. - Ха-ха-ха! Видишь, милый Фельтон, видишь, что я тебе говорил: этот нож был предназначен для тебя — она бы тебя убила. Это, видишь ли, одна из её слабостей: тем или иным способом отделяться от людей, которые ей мешают. Если б я тебя послушался и позволил подать ей острый стальной нож, то Фельтону пришёл бы конец: она бы тебя зарезала, а после тебя всех нас. Посмотри-ка, Джон, как хорошо она умеет владеть ножом!

Лодка подплыла настолько близко, насколько это было возможно: недостаточная глубина помешала ей пристать к берегу. Фельтон вошёл по пояс в воду, не желая никому доверять свою драгоценную ношу.

К счастью, буря начала затихать. Однако море ещё бушевало: маленькую лодку подбрасывало на волнах, точно ореховую скорлупу.

- К шхуне! - приказал Фельтон. - И гребите быстрее!

Четыре матроса принялись грести, но море так сильно волновалось, что вёсла с трудом рассекали воду.

Тем не менее беглецы удалялись от замка, а это было самое важное.

Ночь была очень тёмная, и с лодки уже почти невозможно было различить берег, а тем более увидеть с берега лодку.

Какая-то чёрная точка покачивалась на море. Это была шхуна.

- Ко мне! - крикнул герцог и схватился за шпагу. Но Фельтон не дал ему времени обнажить её: на груди он держал наготове нож, которым ранила себя миледи, и одним прыжком бросился на герцога.

В эту минуту вошёл Патрик и крикнул:

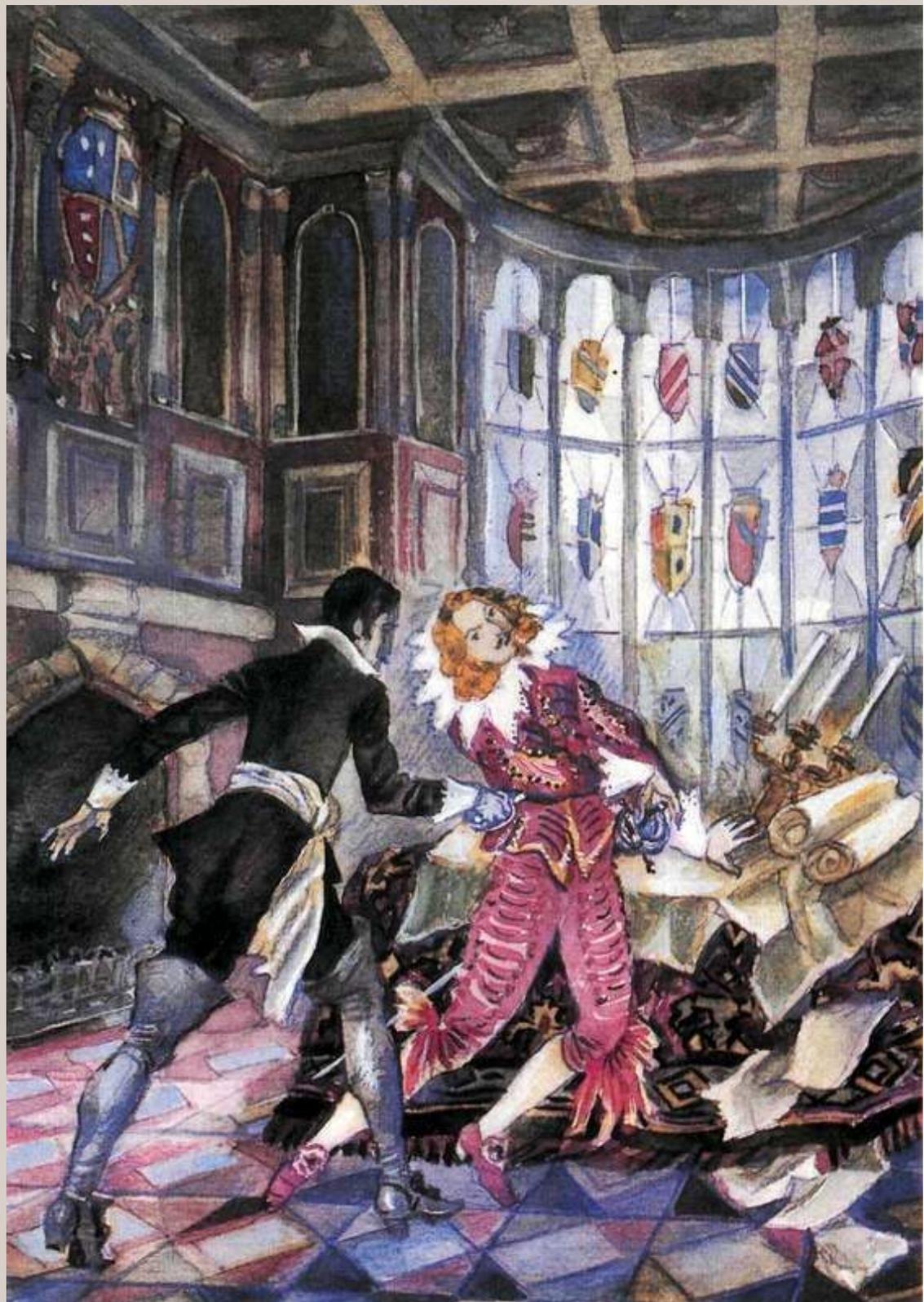
- Милорд, письмо из Франции!

- Из Франции? - воскликнул Бекингэм, забывая всё на свете и думая только о том, от кого это письмо.

Фельтон воспользовался этим мгновением и всадил ему в бок нож по самую рукоятку.

- А, предатель! - крикнул Бекингэм. - Ты убил меня...

- Убийство! - завопил Патрик.

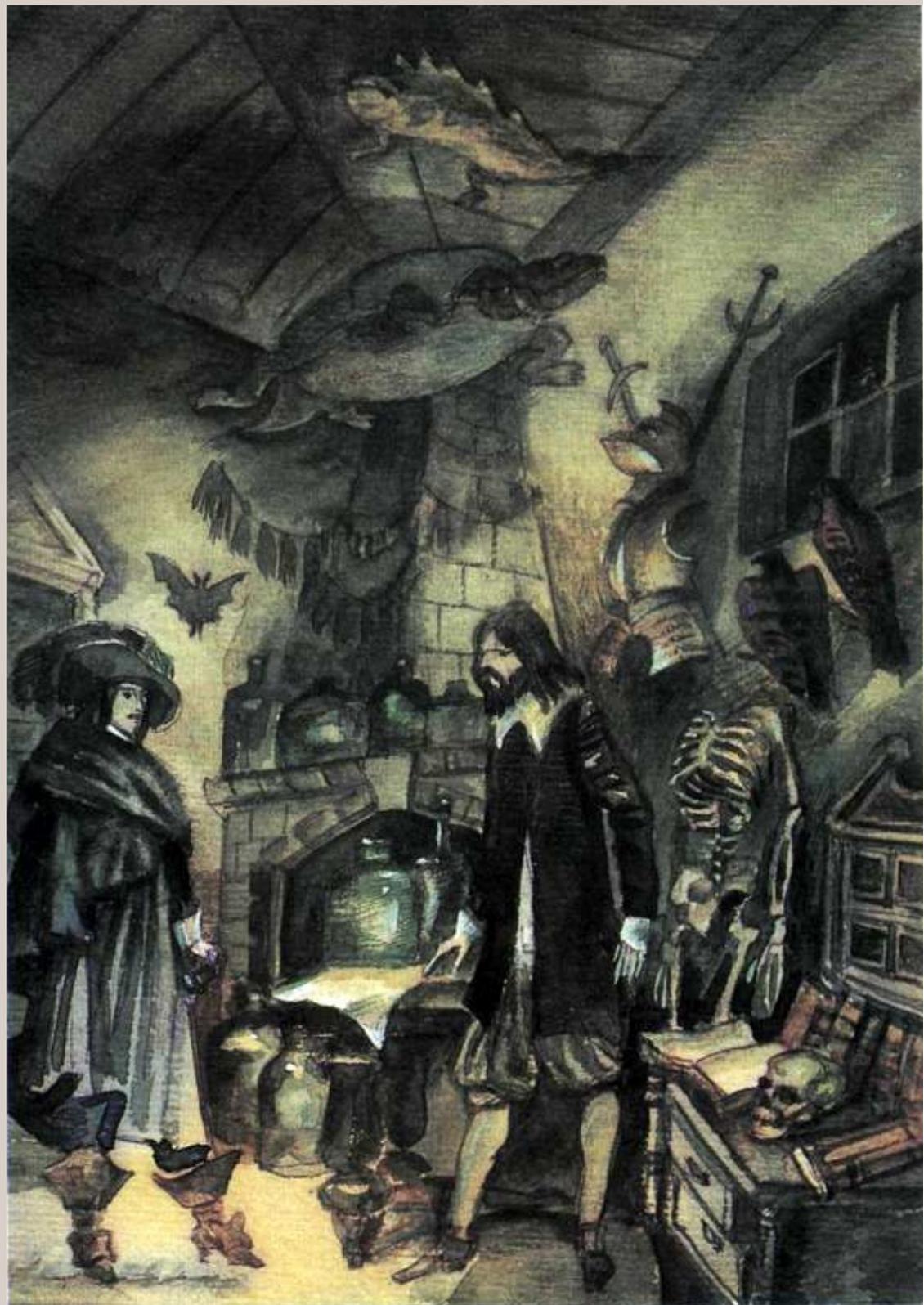
- В последний раз спрашиваю: намерены вы идти? - крикнула миледи.
- О, боже, боже! Вы видите, мне изменяют силы, вы сами видите, что я совсем не могу идти... Бегите одна!
- Бежать одной? Оставить вас здесь? Нет-нет, ни за что! - вскричала миледи.
Вдруг она остановилась, глаза её сверкнули недобрым огнём; она подбежала к столу и высыпала в рюмку г-жи Бонасье содержимое оправы перстня, которую она открыла с удивительной быстротой.
Это было красноватое зёрнышко, которое тут же растворилось в вине.
Потом она твёрдой рукой взяла рюмку и сказала:
- Пейте, это вино придаст вам силы! Пейте!
И она поднесла рюмку к губам молодой женщины, которая машинально выпила.
«Ах, не так мне хотелось отомстить! - сказала про себя миледи, с дьявольской улыбкой ставя рюмку на стол. - Но приходится делать то, что возможно».
И она ринулась из комнаты.

Всё остальное убранство комнаты показывало, что её хозяин занимается естественными науками: разные змеи лежали в банках, на которых виднелись ярлыки с названием каждой породы; высушенные ящерицы сверкали, точно изумруды, вставленные в большие рамы чёрного дерева; пучки дикорастущих трав, пахучих и, вероятно, обладающих свойствами, неизвестными людям непосвящённым, были подвязаны к потолку и свешивались по углам комнаты.

Бросалось в глаза отсутствие семьи и слуг: высокий человек жил один в этом доме. Атос окинул невозмутимым, равнодушным взглядом все описанные предметы и по приглашению того, к кому он пришёл, сел возле него.

Затем он объяснил ему причину своего посещения и ту услугу, за которой он к нему обращается. Но едва Атос изложил свою просьбу, как незнакомец, стоявший перед мушкетёром, в ужасе отпрянул и отказался. Тогда Атос вынул из кармана листок бумаги, на котором были написаны две строчки, скреплённые подписью и печатью, и показал их тому, кто чересчур поторопился проявить своё отвращение. Как только высокий человек прочитал эти две строчки, увидел подпись и узнал печать, он тотчас поклонился в знак того, что у него нет больше возражений и что он готов повиноваться.

Д'Артаньян остался наедине с кардиналом; это было его второе свидание с Ришелье, и, как д'Артаньян признавался впоследствии, он был твёрдо убеждён, что оно окажется последним. Ришелье остался стоять, прислонясь к камину; находившийся в комнате стол отделял его от д'Артаньяна.

- Милостивый государь, - начал кардинал, - вы арестованы по моему приказанию.

- Мне сказали это, ваша светлость.

- А знаете ли вы, за что?

- Нет, ваша светлость. Ведь единственная вещь, за которую я бы мог быть арестован, ещё неизвестна вашему высокопреосвяществу.

Ришелье пристально посмотрел на юношу:

- Вот как! Что это значит?

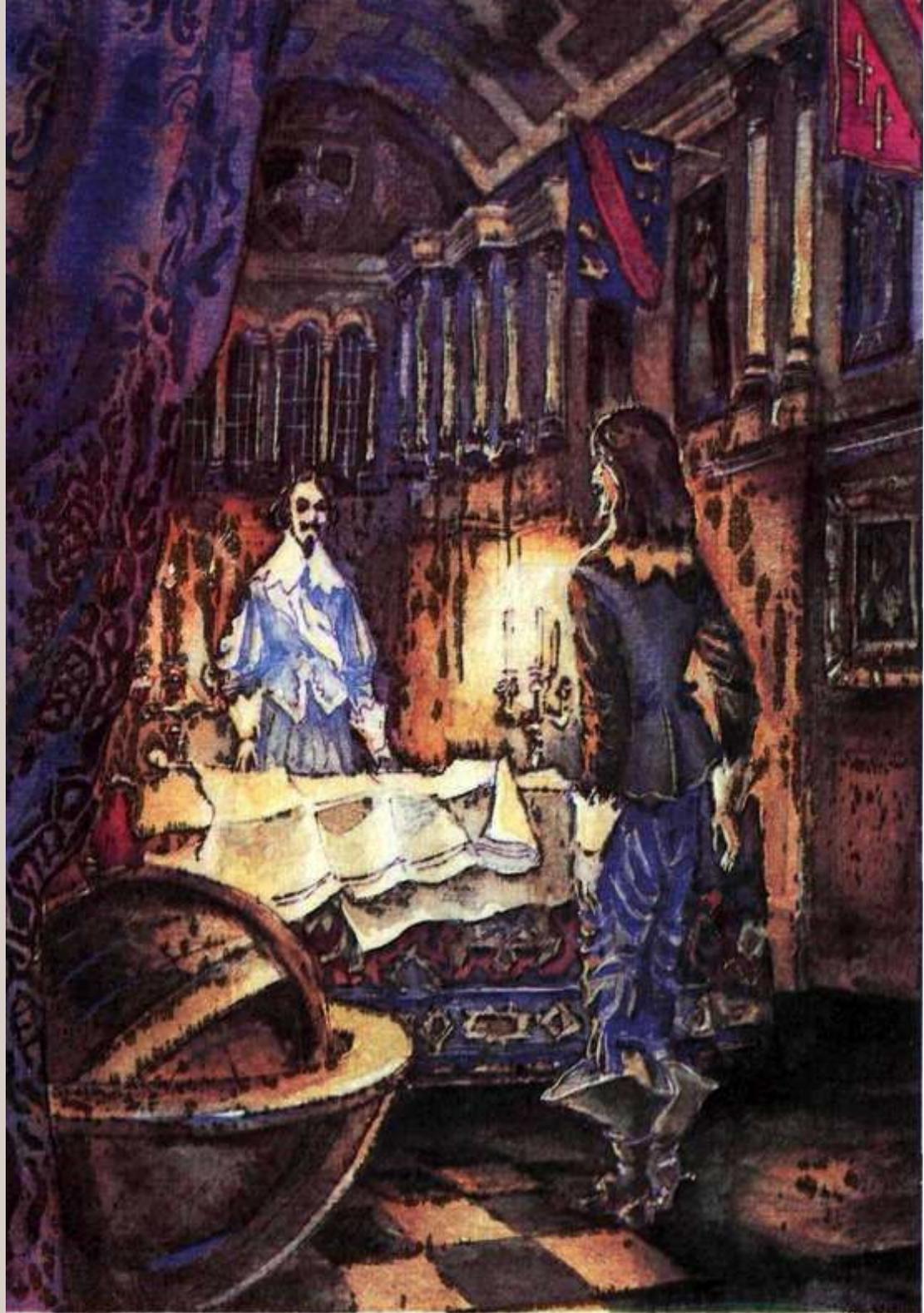
- если вашей светлости будет угодно сказать мне прежде, какие преступления вменяются мне в вину, я расскажу затем поступки, которые я совершил на деле.

- Вам вменяются в вину преступления, за которые снимали голову людям познатнее вас, милостивый государь! - ответил Ришелье.

- Какие же, ваша светлость? - спросил

д'Артаньян со спокойствием, удивившим самого кардинала.

- Вас обвиняют в том, что вы переписывались с врагами государства, в том, что вы выведали государственные тайны, в том, что вы пытались расстроить планы вашего военачальника.

У самой лестницы положение стало ещё затруднительнее. На нижних ступеньках четверо мушкетёров забавлялись весёлой игрой, в то время как столпившиеся на площадке десять или двенадцать их приятелей ожидали своей очереди, чтобы принять участие в забаве. Один из четверых, стоя ступенькой выше прочих и обнажив шпагу, препятствовал или старался препятствовать остальным троим подняться по лестнице. Эти трое нападали на него, ловко орудуя шпагой. Д'Артаньян сначала принял эти шпаги за фехтовальные рапиры, полагая,

что острие защищено. Но вскоре, по некоторым царапинам на лицах участников игры, понял, что клинки были самым тщательным образом отточены и заострены. При каждой новой царапине не только зрители, но и сами пострадавшие разражались бурным хохотом.

Мушкетёр, занимавший в эту минуту верхнюю ступеньку, блестяще отбивался от своих противников. Вокруг них собралась толпа. Условия игры заключались в том, что при первой же царапине раненый выходил из игры и его очередь на аудиенцию переходила к победителю.

Выставка подготовлена
сотрудником научно-методического отдела ЗНБ СГУ
Е. Б. Сальковой

